

Граница Миров

18+

Ollrins

Ollrins

Граница Миров

«Автор»

2026

Ollrins

Граница Миров / Ollrins — «Автор», 2026

Они живут в разных реальностях. Никита живёт в мире, где фантазию можно создать силой мысли. Здесь всё, что ты можешь представить, становится реальностью. Но даже здесь есть границы, за ними начинается пустота. Зои родилась по ту сторону. Её мир разрушается. Люди вокруг продают свои воспоминания, свои сны, свои эмоции и становятся пустыми оболочками. Она единственная, кто видит и пустоту, и фантазию. И единственная, кто может их соединить. Тео тот, кто прошёл через пустоту и остался жив. Его память выжжена, но внутри, там, где уже ничего не должно быть, он всё ещё есть. Он ключ. Они никогда не встречались. Но они чувствуют друг друга сквозь границы миров. Смогут ли они спасти тех, кто потерял себя? И хватит ли у них фантазии, чтобы изменить всё? «Граница миров» - история о тех, кто не сдался. О силе воображения, которая сильнее любой системы. И о том, что даже в самой глубокой пустоте может остаться искра. Для тех, кто верит, что мир можно изменить и не боится мечтать.

© Ollrins, 2026

© Автор, 2026

Ollrins

Граница Миров

Граница Миров

Глава 1. Пустота внутри

Часть первая. Утро без света

Тео открыл глаза в темноте.

Он не знал, который час. Часы ему не нужны — подъём синхронизирован с нейросетью. Просто в какой-то момент сознание переключается из режима «сон» в режим «бодрствование». Без ощущения утра. Без рассвета. Потому что рассвета в этой комнате не бывает.

Комната — 12 квадратов. Стены серые, матовые, без рисунка. Пол — такой же серый, только чуть темнее. Мебель? Её нет. Кровать выезжает из стены по команде. Стол и стул — тоже. Когда Тео встаёт, всё убирается обратно. Остаётся пустой куб.

Никаких окон. Окна — привилегия. Тео не может себе позволить окно. Он даже не знает, светло ли сейчас на улице. Впрочем, какая разница.

— Кофе, — говорит он в пустоту.

Из стены выдвигается узкая панель. На ней — стакан с тёмной жидкостью. Идеальная температура. Идеальная крепость. Тео пьёт кофе. Он не чувствует вкуса. Или чувствует, но не может отличить — это его собственное ощущение или чья-то память.

Он пьёт и смотрит на стену. Там ничего нет. Он тоже ничего не чувствует.

Ни радости, что проснулся. Ни грусти, что снова один. Ни надежды. Ни тоски. Просто пустота. Такая же серая, как стены.

Робот-уборщик — плоская коробка в углу — выезжает из своего гнезда, молча обползает комнату и возвращается обратно. В комнате и так было чисто. Но программа требует. Тео не помнит, когда последний раз видел пылинку. Или, когда последний раз видел настоящую землю.

Он идёт в душ. Вода льётся ровно три минуты, потом отключается. Температура регулируется автоматически — чтобы было ни горячо, ни холодно.

Тео смотрит на свои руки в тусклом свете экрана, который выдвигается из стены. Кожа серая, как всё вокруг. Он не помнит, чтобы она была другого цвета.

— Рабочий режим, — говорит он.

Стена перед ним становится прозрачной. За ней — гардероб. Чёрный комбинезон. Такой же, как у всех. Никаких пуговиц, карманов, нашивок. Просто ткань, которая держит температуру.

Он одевается. Не глядя в зеркало — зеркала в квартире нет. Зачем смотреть на себя? Ты всё равно не изменишься. И никто не смотрит на тебя.

Перед выходом он останавливается у двери. Пульсирует красный индикатор — нейрофильтр включён. Тео знает, что это значит: когда он выйдет за порог, система начнёт фильтровать его восприятие. Убирать лишнее. Приглушать эмоции.

Он мог бы отключить фильтр. Технически — да. Но тогда он увидит мир таким, какой он есть. Увидит людей, которые смотрят сквозь него. Увидит рекламу боли, которая продаётся как развлечение. Увидит детей, которые никогда не видели деревьев.

Он не отключает.

Дверь открывается. Тео выходит в коридор. Такой же серый, как его комната. Такой же пустой.

Робот — такой же, как он сам, только из пластика и металла — катится мимо.

— Хорошего дня, — говорит робот.

Тео не отвечает. Роботу всё равно. И Тео — тоже.

В лифте он смотрит на панель с этажами. Сотни этажей. Сотни таких же кубов. Сотни людей, которые пьют кофе и смотрят на пустые стены.

Лифт останавливается. Двери открываются. Тео выходит на улицу — под искусственное небо, которое светит ровно настолько, чтобы никто не отвлекался.

Он не помнит, когда последний раз видел настоящее солнце. Или небо. Или облака.

Он идёт на работу. В «Нейро-Облако».

Где каждый день подключает доноров к системе.

Где каждый день видит чужие сны — яркие, цветные, живые.

Где каждый день возвращается в свою пустую квартиру, ложится в кровать, которая выезжает из стены, закрывает глаза и чувствует... ничего.

Ровно ничего.

Потому что всё, что он мог бы чувствовать, он уже продал.

Часть вторая. Донор

«Нейро-Облако» встречает Тео тишиной.

Не той тишиной, которая бывает в пустой комнате, а той, которую специально проектируют — чтобы не отвлекать. Полы здесь тёмные, почти чёрные. Стены — матовое стекло, за которым ничего не видно. Свет идёт снизу, из щелей между панелями, и создаёт ощущение, что ты паришь. Или что земли под тобой нет.

Тео проходит сканер. Он не замечает этого — система работает автоматически. Нейро-фильтр на входе сверяет его состояние с эталоном: пульс, давление, уровень тревожности. Всё в норме. Всё, как всегда.

— Доброе утро, сотрудник 7341, — голос из динамиков, мягкий, без интонаций. — Ваш блок — сектор 12, зал 4.

Тео кивает. Он не знает, видит ли его кто-то. Ему всё равно.

Коридоры тянутся бесконечно. Двери без ручек открываются перед ним и закрываются за ним. Он идёт один — другие сотрудники в это время уже на местах, или ещё не пришли, или их не существует. Тео никогда не задумывался об этом. В «Нейро-Облаке» каждый сам по себе.

Зал 4. Маленькое помещение с пятью креслами. Кресла — главное здесь. Они выглядят почти как обычные, только с металлическими обручами на уровне головы. Обручи унизаны тончайшими иглами — нанофибрами, которые входят в кожу незаметно, почти безболезненно. Почти.

Тео проверяет первый пост. Донор — мужчина, 45 лет, в коме уже три года. Родственники продали его воспоминания оптом — все сразу. Сейчас он — пустая оболочка. Его мозг генерирует слабые сигналы, похожие на сны, но в них нет ни образов, ни эмоций. Просто электрический шум. Система использует его как буфер — для балансировки нагрузки. Он даже не знает, что он всё ещё здесь.

Тео переходит ко второму креслу. Женщина. Новенькая. Он видит её впервые.

Она не в коме. Она смотрит на него.

Это так неожиданно, что Тео замирает. Он привык к пустым глазам. А здесь — взгляд. Живой. Усталый, но живой.

— Ты техник? — спрашивает она.

— Да, — говорит Тео. — Я подключу вас к системе.

Она кивает. Не отводит взгляда.

— Ты знаешь, что они собираются забрать?

Тео молчит. Он знает. В её файле написано: «Пакет воспоминаний. Материнские. Срок действия — один год».

— Сны о дочери, — говорит она сама. — Они хотят взять сны о моей дочери.

Она говорит спокойно. Осталась только горечь — такая плотная, что Тео чувствует её даже через нейрофильтр.

— Я не могу ничего изменить, — говорит он. — Это моя работа.

— Твоя работа — отключать людей от их собственной жизни.

Тео не отвечает. Он подходит к креслу, проверяет датчики, калибрует обруч. Руки делают всё сами — сотни раз, тысячи раз. Он мог бы делать это с закрытыми глазами.

— Как её зовут? — спрашивает он вдруг.

— Кого?

— Вашу дочь.

Женщина молчит. Долго. Тео уже думает, что она не ответит.

— Зои, — говорит она. — Ей семь лет. Она живёт у моей сестры. Я не видела её восемь месяцев.

Тео заканчивает калибровку. Система готова к запуску. Ему осталось только нажать кнопку.

— У тебя есть свои воспоминания? — спрашивает женщина. — Не покупные. Настоящие?

Тео замирает. Он хочет сказать «да». Но не может.

— Я не помню, — говорит он.

Тео смотрит на кнопку. На её лицо. На датчики, которые показывают её пульс — ровный, спокойный. Слишком спокойный для человека, который вот-вот потеряет последнее, что у него есть.

Он не нажимает кнопку.

Вместо этого он садится на пол, прямо напротив её кресла, и смотрит на неё.

— Расскажите мне о Зои, — говорит он. — Пожалуйста.

Женщина смотрит на него — долго, пристально, как будто проверяет, не робот ли он, не ловушка ли это.

— Зачем тебе?

— Я не знаю. Просто... расскажите.

И она рассказывает.

О том, как Зои впервые улыбнулась и это было похоже на маленькое солнце. О том, как она сказала «мама» и это было самое красивое слово на свете. О том, как они ходили в парк — настоящий парк, с деревьями и травой, и Зои боялась божьих коровок, но потом полюбила их.

Тео слушает. И чувствует.

Впервые за много лет он чувствует что-то, что не купил, не арендовал, не взял напрокат. Чувствует боль этой женщины. Чувствует её любовь. Чувствует, что она — живая.

А он? Он — нет.

Но впервые ему захотелось стать живым.

Часть третья. Подключение

Тео не выполнил норму в тот день.

Вместо пяти доноров он подключил только четырёх. Женщина — та, с живыми глазами — осталась в кресле. Он не нажал кнопку. Он сказал системе, что у неё нестабильный сигнал, что нужна дополнительная калибровка, что он проверит завтра.

Система не спорила. Система не умеет спорить. Она просто зафиксировала: «Сотрудник 7341, отклонение от графика. Требуется пояснение».

Тео не стал писать пояснение. Он пошёл домой.

В микроквартире было так же пусто, как всегда. Стены — серые, воздух — стерильный, кровать — убрана в стену. Он сел на пол, прислонился спиной к холодной поверхности и закрыл глаза.

Перед ним стоял выбор.

Забуть. Завтра прийти, нажать кнопку, сделать свою работу. Женщина потеряет сны о дочери. Система получит товар. Мир не рухнет. Тео не почувствует ничего — как обычно.

Подключиться к ней нелегально. Увидеть её сны. Понять, что она теряет. А потом — решить, можно ли это остановить.

Он знал, что это преступление. Несанкционированное проникновение в память донора карается конфискацией собственных воспоминаний. Если поймают — он сам станет донором. Расходным материалом.

Он открыл глаза.

— Свет, — сказал он.

Потолок засветился ровным белым. Ни теней, ни бликов. Ничего, что могло бы отвлечь.

Тео достал из кармана маленький чип — обходной ключ, который сам сделал год назад. Просто на всякий случай. Он никогда не использовал его. До сегодня.

Чип подошёл к порту на его запястье — туда, где обычно подключается нейрофильтр. Тео активировал его и закрыл глаза.

Мир исчез.

Часть четвёртая. Сны

Он не был готов к этому.

Система «Нейро-Облако» показывала ему тысячи снов. Чужие воспоминания, купленные и проданные, упакованные в стандартные форматы — яркие, чёткие, стерильные. Они были похожи на рекламные ролики: идеальные цвета, идеальный звук, идеальные эмоции. Но без души.

Сны женщины были другими.

Они были неровными. Картинка дрожала, цвета смазывались на краях, звук то пропадал, то становился слишком громким. Камера — её глаза — смотрела на мир не как оператор, а как человек. Уставший. Влюблённый. Напуганный.

Тео увидел Зою.

Девочка. Три года. Светлые волосы, собранные в два хвостика, один выше другого. Она сидит на полу в маленькой комнате и рисует. Не на бумаге — на старом планшете, который треснул в углу, но всё ещё работает.

— Мама, смотри! Я нарисовала дом.

Тео видит рисунок глазами женщины. Квадрат, треугольник сверху, окошко. Внутри — три палочки. Мама, папа, Зою.

Женщина думает о нём с болью. Он ушёл, когда Зою было два. Не потому что разлюбил. Потому что больше не смог платить. Он продал всё, включая любовь к дочери. Теперь он — пустой. Ходит по улицам, смотрит сквозь людей и ничего не чувствует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.